

Хэ Юйлоу положил багаж Хэ Шэньпина на полку, взглянул на часы на вокзале и сказал отцу, который всё ещё стоял у двери поезда:

— Папа, осталось девять минут, садись.

— Девять минут, — задумчиво произнёс Хэ Шэньпин. — Юйлоу, подойди сюда.

Хэ Юйлоу спрыгнул с поезда.

— Юйлоу, запомни...

Хэ Шэньпин засучил рукав, снял с левого запястья часы и надел их на руку Хэ Юйлоу.

— Девять минут — это время, за которое можно дважды сыграть «Фантазию-экспромт» Шопена.

Коричневый кожаный ремешок, серебристый металлический циферблат — часы были иностранной марки, которую Хэ Юйлоу раньше не видел.

Хэ Шэньпин был намного выше Хэ Юйлоу в тот момент, и ближайшее отверстие на ремешке было пробито позже, но оно всё равно было немного велико для запястья Хэ Юйлоу.

— Это я пробил, — сказал Хэ Шэньпин. — Знаешь, я всегда думал, что отдам их тебе, просто не ожидал... что это случится так рано.

С этими словами он подошёл к Гу Цзяпэй, слегка сжал её руку и обратился к трём детям:

— Юэань ещё маленький, а Юйгэ и Юйлоу уже достаточно взрослые. Вы знаете, зачем я уезжаю? На перевоспитание. Я совершил некоторые ошибки, поэтому мне нужно идти на трудовое перевоспитание.

Хэ Шэньпин немного подумал, переводя взгляд с одного ребёнка на другого, и объяснил:

— Это как если бы пол был грязным, его нужно вымыть.

Хэ Юйгэ спросила:

— Папа, какие ошибки ты совершил?

Хэ Шэньпин пристально посмотрел на конец железнодорожных путей, но, даже когда поезд уже готов был отправиться, ничего не сказал.

В тот момент, когда он ступил на металлическую ступеньку, он обернулся и произнёс:

— Я не знаю. Но —

— Ууу —

Долгий гудок поезда и грохот колёс заглушили слова Хэ Шэньпина.

— Но музыка, конечно, чиста, и фортепиано, конечно, чисто.

Перед лицом огромной машины голос одного человека всегда слишком тих. Сказанное — лишь для того, чтобы в его сердце оставалось эхо.

Хэ Юйлоу побежал за поездом, крича:

— Папа, что ты сказал?

Хэ Шэньпин достал из рюкзака тот самый пакет конфет и бросил его Хэ Юйлоу:

— Пока я жив, ты всё ещё ребёнок, и можешь есть конфеты.

Пакет разорвался в воздухе, и конфеты рассыпались по земле. Эти конфеты были в одной большой упаковке, без отдельных обёрток, и их поверхность мгновенно покрылась пылью.

Упаковка улетела на соседний путь и была мгновенно раздавлена проезжающим мимо чёрным грузовым поездом.

Зелёный поезд становился всё меньше и меньше, пока наконец не исчез в снегу вместе с концом железной дороги.

Хэ Юйлоу опустился на колени, стал подбирать конфеты одну за другой и класть их в рот, пока не набил его до отказа.

С набитыми щеками он пошёл обратно, держа в руках горсть конфет, собранных с земли.

Гу Цзяпэй сказала:

— Юйлоу, хватит есть.

Хэ Юйлоу, с трудом разговаривая из-за конфет, криво улыбнулся:

— Могу есть ещё один день.

Вэнь Юэань взял горсть конфет из рук Хэ Юйлоу и тоже положил их в рот.

Это был последний день, когда Хэ Юйлоу ел конфеты, но Вэнь Юэань продолжал есть их ещё много лет, и все они были от Хэ Юйлоу.

В тот год никто больше не заставлял их копировать вэйбэй, но Хэ Юйлоу писал больше, чем когда-либо, и к тому времени, когда Хэ Шэньпин вернулся, стопка бумаги с копиями вэйбэй уже была высотой с человека.

После того как Хэ Шэньпин попал на фарфоровый завод, он занялся подготовкой глины. Ежедневно он ходил в карьер за фарфоровым камнем, нёс двухсоткилограммовую ношу на плечах от карьера до завода, и со временем его позвоночник начал деформироваться.

Днём он носил камни, потом разбивал их молотком, измельчал в порошок, смешивал с водой и месил глину, погружая свои руки, привыкшие играть на фортепиано, в грязную воду, выжимая глину и удаляя примеси. Ночью он спал на общих нарах с другими рабочими, иногда читая или пишу письма домой при свете фонарика.

— Эй, Лао Хэ.

Хэ Шэньпин как раз писал о процессе подготовки глины, когда молодой рабочий рядом толкнул его локтем и протянул сигарету.

— Кури.

Эти рабочие не знали, кто такой Хэ Шэньпин, они лишь знали, что он был отправлен на трудовое перевоспитание. Директор завода называл его Лао Хэ, и остальные последовали его примеру.

Хэ Шэньпин ответил:

— Нет, я не курю.

— Ну давай, давай.

Рабочий, вытянув шею, чтобы посмотреть на письмо Хэ Шэньпина, положил сигарету на его подушку.

— Лао Хэ, что ты пишешь?

— Письмо домой. Не надо, я правда не курю.

Хэ Шэньпин вернул сигарету и спросил:

— Что-то нужно?

— Хех... Ну ты и культурный человек.

Рабочий, сам не решаясь выкурить сигарету, засунул её за ухо, облизнул губы и, казалось, не знал, как начать.

— Лао Хэ, у меня тут письмо, можешь прочитать?

Хэ Шэньпин сказал:

— Давай.

Рабочий достал из шкафа ржавую железную коробку. Когда он открыл крышку, из неё хлынули слои писем, едва не вываливаясь наружу. Он осторожно прижал их, словно держал кошку, которая всё время пыталась высунуть голову.

— Какое письмо читать? — спросил Хэ Шэньпин. — Или все?

— Все, все.

Рабочий почесал затылок, смущённо добавив:

— Простите...

Он невольно изменил обращение, повторяя:

— Простите, господин Хэ, простите.

— «Дорогой брат Ван Бинь...»

Хэ Шэньпин взглянул на подпись.

— Это письмо от твоей сестры Ван Чжэнь.

— Я знаю, её имя я узнаю. Все письма от неё.

Ван Бинь покраснел.

— Я не совсем неграмотный, просто... незнакомых иероглифов слишком много...

Хэ Шэньпин кивнул и начал читать. В письме говорилось, что Ван Чжэнь поступила в университет, что палочки из маша снаружи университета были вдвое дороже, чем солёные, что в котельной университета было удобнее мыться, чем дома, и много других мелочей, начиная с прошлого лета и до нынешней зимы.

Ван Бинь слушал с радостью, в его глазах и на лице читалась гордость:

— Эх, я не создан для учёбы, а она смогла, поступила в университет, первая в нашем районе. Я уехал пять лет назад, чтобы содержать её, и всё это того стоило. Когда она закончит учёбу и устроится на работу, если она найдёт мне место, оно наверняка будет лучше, чем здесь.

Когда дошло до последнего письма, Ван Чжэнь спросила, вернётся ли Ван Бинь на Новый год.

Ван Бинь долго колебался, но сказал, что не вернётся, а деньги на билет отложит на её обучение, ведь учёба тяжёлая, и летом она сможет купить себе ещё пару палочек из маша.

Хэ Шэньпин аккуратно сложил письма обратно в коробку и спросил:

— Нужно ответить?

Ван Бинь осторожно положил коробку в шкаф и запер её ключом:

— Да, да... Очень прошу.

Хэ Шэньпин написал ответ за Ван Бинь, записывая его слова, не прерывая, и в итоге исписал тридцать страниц мелким почерком, с обеих сторон.

Ван Бинь, увидев это, растерялся:

— Это... так много?

Хэ Шэньпин разложил бумагу для просушки:

— Не так уж и много.

Ван Бинь начал считать:

— Раз, два... Тридцать страниц, разве это не много?

Хэ Шэньпин сказал:

— Тридцать страниц за пять лет разговоров — это не много.

Когда чернила высохли, Хэ Шэньпин обрезал лишние края бумаги ножом:

— Хотя это и некрасиво, но, возможно, сэкономит немного на почтовых расходах.

Ван Бинь несколько раз поблагодарил, а на следующий день, вернувшись с карьера, насильно взял на себя лишние пятьдесят килограммов фарфорового камня вместо Хэ Шэньпина, а через несколько дней во время обеда сунул ему яйцо, которое где-то раздобыл.

Однажды, закончив работу, Хэ Шэньпин пошёл ужинать, но, только начав есть, оказался окружён рабочими, в основном молодыми и сильными.

Хэ Шэньпин положил палочки и спросил:

— В чём дело?

— Эй, эй, отойдите подальше, как господин Хэ будет есть, если вы все тут толпитесь? Нельзя дожидаться, пока он поест?

Ван Бинь протиснулся сквозь толпу.

— Эти идиоты... Эх, господин Хэ...

Ван Бинь смущённо поёрзал.

— Они тоже хотят, чтобы вы написали письмо, как насчёт?

Хэ Шэньпин сказал:

— Хорошо, пусть подходят по очереди.

Ван Бинь кивнул:

— Да, сначала поешьте, поешьте, а потом очередь.

<http://bllate.org/book/15543/1382946>